

возложенном в его честь в курии Юлии, была надпись, где отмечались *virtus* (доблесть), *clementia* (гуманность), *iustitia* (справедливость), *pietas* (благочестие) Августа, — как раз все качества гуманного вождя (RGDA, 34). В RGDA (гл. 5—6) он подчеркивает конституционное происхождение своей власти; он не узурпатор и хвастается тем, что во время гражданских и внешних войн он, будучи победителем, пощадил всех граждан, просивших пощады (*veniam petentibus*); «он предпочел сохранить и чужеземные народы, которых было безопасно пощадить» (RGDA, 3). Эта антигега тирана и «популярного» вождя проводится в речах Мецената, Агриппы и самого Августа у Диона Кассия, но все же она не чисто римского происхождения, а наблюдается во всей греческой философско-политической литературе (Платон, Эврипид, Аристофан, Исократ, Аристотель). Конечно, здесь не может быть речи о прямом заимствовании из Греции, так как проблема формы власти возникла в Риме в I в. под влиянием кризиса республики независимо от Греции, где эта проблема обострилась в IV в. до н. э., но все же эти образы тирана и популярного вождя носили эллинистическую окраску. С этим согласуется и то, что, как теперь выяснено, RGDA по их жанру нельзя отделять от эллинистических «Деяний» (*πράξεις*) и «Царских речей» (*βασιλικαὶ λόγοι*).

Точно так же «общепатриотический» лозунг (*concordia ordinum*) и опора на «обычай предков» (*mos maiorum*), и эти идеологические моменты, составившие впоследствии основу официальной идеологии Августа, по происхождению не только римские. Они были популярны в греческой философско-политической литературе. «Общее согласие» — это греческая *ὁμόνοια*, идущая от софиста Антифонта и воспринятая стоиками; *mos maiorum* — это *πάτριος πολιτεία* — лозунг, популярный в Греции V—IV вв. до нашей эры.

В итоге можно сказать, что, хотя в рецензируемой книге не все совершенно ново, но автор умеет оживить и научно углубить даже известные положения, а это, вместе с его новыми интересными выводами, создает стройную концепцию, которая показывает нити, связывающие идеологическую борьбу конца республики с основами идеологии принципата. Как мы отмечали и как не раз указывает сам автор, он не ставил себе задачей исследовать проблему во всем объеме, но от этого работа несколько не проигрывает: она ставит проблемы, будит мысль и толкает на дальнейшие исследования на основе более широкого материала (например, Луцилия, речей и писем Цицерона, истории Тита Ливия). Аргументация ведется автором очень тонко, осторожно. Это подлинно марксистская работа, заостренная против идеалистических концепций буржуазных ученых. Всюду вскрывается классовая сущность явлений и их причины. К этому надо добавить, что книга написана ясным языком. Книгу С. Л. Утченко с интересом прочтет не только специалист, но и всякий советский читатель, интересующийся историей.

Н. Ф. Дератани

К ВОПРОСУ О ВНУТРЕННЕЙ ТОРГОВЛЕ ПРИКУБАНЬЯ С ФАНАГОРИЕЙ

Исследование античных колоний Юга СССР в настоящее время немаловажно без изучения истории и культуры местных племен, их взаимоотношений с греческими колониями, их участия в экономической и политической жизни боспорских и других античных городов. Одному из этих вопросов, а именно выяснению экономических связей Азиатского Боспора с синдо-меотскими племенами Прикубанья, посвящена статья И. В. Зеест «К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией» в МИА, XIX¹. Автором используется одна из категорий археологических памятников—

¹ В следующем номере будет помещена развернутая рецензия на весь XIX том МИА.

остродонные амфоры, причем привлекается материал только из двух древних центров Прикубанья — Семibrатнего и Елизаветинского городищ. Это несколько ограничивает возможности автора и не дает полной картины существовавших торговых связей Боспора с меотскими племенами.

В начале статьи дается краткая характеристика Фанагории как основного центра по торговле с местными племенами, куда, по свидетельству Страбона, «привозились товары» и откуда преимущественно импортные товары и различные ремесленные изделия направлялись в местные центры Прикубанья» (стр. 107). Одним из таких центров являлось городище ст. Елизаветинской¹, которому в статье уделено основное внимание. Это вполне правомерно, так как Елизаветинское городище выделяется из основной массы меото-сарматских городищ значительным содержанием античного материала. Городище это, являясь в основе меотским поселением, в эпоху эллинизма служило для Боспора основным опорным пунктом, наиболее восточным форпостом среди меотских племен.

Автор довольно подробно останавливается на описании найденного на городище и в могильнике материала, уделяя основное внимание находкам остродонных амфор. Последние сравнительно часто встречаются в инвентаре могил. И. Б. Зеест определяет основные группы амфор, найденных в Елизаветинской, и приходит к выводу, что в эллинистическое время основной импорт шел из Синоп и Родоса. Но преобладающим материалом на городище являются не привозные предметы, а местная сероглиняная керамика, «отличающаяся прекрасной выделкой, свидетельствующей о высоком уровне местного гончарного производства». Последнее подтверждается и наличием керамических обжигательных печей. Автор считает, что на Елизаветинском городище выделялись не только простая посуда, но и местные остродонные амфоры и черепица². В заключении дается сопоставление амфорных находок с аналогичным материалом самой Фанагории и Семibrатнего городища, находящегося в низовьях р. Кубани, что позволяет автору прийти к известным выводам как о торговых связях Фанагории с Прикубаньем, так и о внутренней торговле между прикубанскими центрами — Семibrатним и Елизаветинским городищами.

Материалы статьи представляют значительный интерес как для изучения экономики Азиатского Боспора, так и для выяснения вопроса о роли торговых центров, возникших в глубине страны. Вместе с тем в статье имеются весьма спорные положения, приводящие автора к неправильным выводам. Анализируя типы амфор, найденных на Елизаветинском городище, автор выделяет тип местной «елизаветинской» амфоры. Основанием для этого является найденная в 1946 г. ножка амфоры, несущая следы керамического брака. Ножка эта несколько деформирована и благодаря неравномерному обжигу имеет серо-коричневую окраску. Фрагменты аналогичных амфор были найдены на городище, и одна амфора встречена в могильнике (погребение № 14 1935 г.). Глина этих амфор красная без примесей. Утверждение автора, что данные амфоры «бесспорно являются продуктом местного производства» (стр. 102), не убедительно. находка только одной несколько бракованной ножки амфоры не может еще являться доказательством местного ее производства. Амфоры с незначительным браком (вмятины и т. д.) неоднократно находились в местах, не связанных с местом их изготовления. Ссылка на то, что данный тип амфор, имея слишком тонкие стенки, представляет хрупкий сосуд, не приспособленный для транспортировки, также не доказывает местного ее производства. Так, например, у синопских амфор, широко распространенных в Северном Причерноморье, толщина стенок такая же, как и у вышеописанного типа амфор из Елизаветинского городища. Наконец, для наименова-

¹ Автор на протяжении всей статьи неправильно называет ее Елизаветинской.

² Никаких данных о местном производстве черепицы автором не приводится. Единственным основанием для такого утверждения послужило то, что найденные фрагменты черепиц «не являются продуктом боспорских царских мастерских, но выполнены по их образцам в другой глине». Совершенно очевидно, что это не может являться доказательством их местного производства.

ния этих амфор сероглиняными нет никаких решительно оснований. Это обычные красноглиняные амфоры, подвергнутые обжигу в окислительном пламени. Употребление же термина «сероглиняная» вводит только в заблуждение читателя. В настоящее время у нас нет достаточно веских и бесспорных данных для выделения местного «елизаветинского» типа остродонной амфоры.

Автор, считая вышеописанные амфоры местными, делает из этого вывод о развитии местного виноделия во II—I вв. до н. э. у меотских племен Среднего Прикубанья, причем отмечает, что «производство это приняло настолько значительные размеры, что удовлетворяло не только местные потребности, но и распространилось и на соседний центр (Семибратнее городище)». Как известно, виноградарство и виноделие на Боспоре было широко распространено в эпоху эллинизма. Каких-либо данных о виноградарстве у местных племен Среднего Прикубанья мы не имеем и скорее вправе предполагать, что такового у них не было, между тем как развитие местного виноделия в восточной Синдике, где расположено Семибратнее городище, подтверждается находками виноградного пресса («тарапана») в районе Джемете.

При решении вопроса о распространении и развитии виноградарства необходимо учитывать и физико-географические условия, в первую очередь почвенные и климатические. В этом отношении наиболее благоприятными являются нынешние Анапский и Варениковский районы и Таманский полуостров. Среднее же Прикубанье (район ст. Елизаветинской) с черноземными почвами и меньшим количеством солнечных дней менее пригодно для занятия виноградарством, и получаемое в этих условиях вино более низкого качества. Если даже на время стать на точку зрения автора и предположить местное производство амфор и развитие виноделия, то совершенно непонятным становится, почему более низкие сорта вина привозились из Елизаветинского городища в Синдику, когда здесь было развито свое виноделие и несомненно, что местное вино всегда было дешевле привозного. Необходимо также отметить, что Семибратнее городище ни в коем случае не может считаться «соседним центром» для Елизаветинской, будучи расположено от нее на расстоянии около 300 км по р. Кубани, которая являлась основным торговым путем.

Кроме того, при решении вопроса о внутренних торговых связях в Прикубанье необходимо учитывать также и происходившие изменения в исторической обстановке. Расцвет Семибратнего городища в V—IV вв. до н. э. был обусловлен самостоятельным развитием синдского города. Располагаясь на р. Кубани недалеко от моря, он вел крупную торговлю не только с Фанагорией, но, несомненно, и с Синдской гаванью (Горгишпией). С присоединением Синдикы в IV в. до н. э. к Боспору Семибратнее городище начинает терять свое значение и постепенно хиреет. Граница Боспорского царства отодвигается к востоку, и прежнее значение Семибратнего городища, как стратегического и торгового центра, повидимому, переходит теперь к городищу, расположенному на месте хут. Красно-Батарейного (в 30 км. восточнее первого)¹.

Таким образом, возникновение на месте городища ст. Елизаветинской в эллинистическое время крупного торгового центра объясняется не перемещением экономического центра с Семибратнего городища в глубь страны, как считает автор (стр. 118), а самостоятельным его развитием, связанным с теми изменениями в экономической и политической жизни Боспора, которые мы наблюдаем в этот период². О каких-либо непосредственных и регулярных связях между Семибратним и Елизаветинским городищами во II—I вв. до н. э. в настоящее время мы данных не имеем и навряд ли таковые были. Утверждение автора, что в это время «Семибратнее городище засылает в Елизаветинское весьма ограниченное количество коссских и кидекских амфор и, в свою очередь, получает оттуда продукцию в местной „елизаветинской“ таре» (стр. 118), только на тех основаниях, что фрагменты вышеперечисленных амфор найдены на

¹ Н. В. А н ф и м о в, Городище восточной окраины Боспорского государства, «Историко-археологический сборник Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы», М., 1948, стр. 136—144.

² См. В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Боспорское царство, стр. 77 сл.

обоих городищах, совершенно неубедительно. Невольно возникает вопрос: почему же синопские и родосские амфоры из Семibrатнего городища (причем среди клейменной керамики Синопа количественно занимает третье место), «минуя его, направляются прямо в Елизаветинское городище» (стр. 118), а для киждских и косских Семibrатнее городище становится транзитным пунктом. Правильнее считать, что амфоры различных центров доставлялись непосредственно из Фанагории как на Среднее Прикубанье, так и на Семibrатнее городище. Говорить же о доставке вина из Елизаветинского городища в Семibrатнее, как выше было отмечено, нет никаких оснований.

Таким образом, анализ амфор, найденных на Семibrатнем и Елизаветинском городищах, после сопоставления полученных данных с фанагорийским материалом позволяет наметить общую картину существовавших торговых связей Фанагории с синдомеотскими племенами. Что же касается вопроса о внутренних торговых связях между местными центрами, то выводы автора, построенные в основном на одной только бракованной ножке амфоры, без должного учета изменений, происходивших во взаимоотношениях Боспора с местными племенами, являются слишком шаткими и неубедительными. Для правильного решения вопроса о внутренних торговых связях требуется более широкое привлечение материалов и более тщательный их анализ.

Н. В. Анфилов

КСЕНОФОНТ, Анабасис. Перевод, статья и примечания М. И. Максимова, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, 286 стр., тираж 5000 экз., цена 12 р. 40 к.

«Анабасис» Ксенофонта Афинского — один из самых интересных исторических источников древности; автор его был участником, а впоследствии и предводителем экспедиции греческих наемников, сражавшихся на стороне Кира Младшего против его брата Артаксеркса. Он проделал долгий путь почти до самого Вавилона и затем обратно на родину после гибели Кира в битве при Кунаксе. Наблюдательный и образованный человек, Ксенофонт собрал богатый материал о самых разнообразных сторонах жизни Эллады и Персии в V—IV вв. Однако не это привлекает сейчас наше внимание к его труду: при скудости источников, проливающих свет на древнюю историю северо-восточных областей Малой Азии, особое значение приобретают сообщения Ксенофонта о местных племенах, так как дают ценнейшие сведения исследователю. В этом смысле «Анабасис» можно сравнить с произведением Геродота.

Переводы «Анабасиса» на русский язык имеют свою историю. Впервые книга стала известна в России во второй половине XVIII в., когда был издан перевод «Анабасиса» с французского языка, что в то время было обычным явлением. «Анабасис», вышедший в 1762 г. под названием «Повесть о Младшем Кире и о возвратном походе десяти тысяч греков, переведенная с французского Васильем Тепловым», представляет собою образец переводческого искусства в старинном его понимании, при котором владение языком подлинника, передача его стилистических особенностей и строгое следование тексту не считались необходимыми. Работа Теплова и его незаванного французского коллеги — не столько перевод Ксенофонта, сколько его пересказ, содержащий множество дополнений, сокращений и объяснений, т. е. некие вариации на тему «Анабасиса». Об отношении переводчика к оригиналу наглядное представление дает начало книги. Открывая перевод Теплова, современный читатель с удивлением обнаружит вместо знакомого начала длинное рассуждение об истории и судьбах персидской державы, начинающееся так: «После смерти царя Кира Персское государство не имело владетеля, достойного царского имени. При тяжком правлении почитали они за славу ложное сияние величества и всякие роскоши». Многочисленные переводы, вышедшие в свет во второй половине XIX в. (Яичевецкий, Кипарисов, Козаков и др.), в отличие от работы Теплова, сделаны с греческого оригинала и в большинстве своем доброкачественны с точки зрения филологического понимания текста. по